

Везучий

Очерк

В преддверии шестьдесят пятой годовщины празднования Победы в ВОВ, собирая материал об участниках войны, я наметила встречу с Петром Яковлевичем Милованкиным. Его, как и других фронтовиков нашего посёлка, я знала по предыдущим праздникам 9 мая, да и не раз встречала на других мероприятиях посёлка: всегда подтянутый, в костюме и обязательно при галстукке. Перед встречей я навела справки о нём: за его спиной были долгие фронтовые годы, потом окончание горного техникума и работа начальником теходела на шахте.

При встрече, чтобы разговорить его, я просто спросила:

– Пётр Яковлевич, а как выживали зимой в окопах?

– Снегом заваливались и всё. Сами удивлялись тому, что не болели. Закалился я ещё в армии в 1940 году в Монголии. Там снега практически не было, а морозы доходили до -50°C , летом наоборот – невыносимая жара. Занятия проводились на улице в любую погоду, одежда была не такая и тёплая, на ногах ботинки. Вот и закалился, за все годы на фронте ни разу не чихнул. Берёг, наверно, меня мой ангел-хранитель, был ранен, несколько раз был в шаге от смерти, но остался жив.

Я почувствовала, что он готов к разговору и за внешней сдержанностью скрывается потребность выговориться. Это свойственно всем одиноким старикам. Дети давно выросли и разъехались, у них свои семьи, свои заботы, бывают наездами и остаются старики один на один со своими воспоминаниями. Хотя, находясь на пенсии, Пётр Яковлевич не замкнулся в домашнем мире, он, как один из активных участников клуба «Оптимист», не пропуская ни одного мероприятия. Любил танцевать и даже участвовал в танцевальных конкурсах, но шутником и балагуром его назвать нельзя было, всегда сдержан, немногословен, и о войне вспоминать не любил.

Но сейчас передо мной сидел совсем другой человек, исчезла напряжённость, и все его мысли,

да и он сам был в том далёком прошлом. И я попросила его вспомнить о каком-нибудь фронтовом эпизоде.

– Эпизодов, которые врезались в память, было много, – начал свой рассказ Петр Яковлевич. – Наша дивизия, в которой я служил, стояла недалеко от пограничной станции Борзя и в ноябре 1941 года нас отправили на оборону Москвы. Там и получил первое боевое крещение, стояли насмерть, даже пришлось в штыковой атаке участвовать. В декабре получил тяжёлое ранение, после лечения в госпитале списали по инвалидности, но молодой организм быстро восстановился. И в 1943 году с плацдарма на Днестре в составе 1-го Украинского фронта, с боями, вместе с дивизией, тесня немцев на Запад, пол-Европы прошагал, вернее, прополз на брюхе, с катушкой за спиной. Я ведь связистом был на фронте.

И он рассказал мне случай, когда был действительно в шаге от смерти:

– Тянул я кабель под обстрелом, и вдруг со свистом перед носом шлёпается противопехотная мина. «Прощай, Петя!» – мысленно прощаюсь с собой, я зажмурил глаза. Прошла секунда, нет взрыва, ещё секунда – тишина, перепрыгнул в другую воронку, прижался к земле, а взрыва всё не было. Повезло! Мина по какой-то причине просто не взорвалась!

Пётр Яковлевич вспомнил ещё один необычный случай:

– Тяну телефонный кабель, как всегда, автомат у меня впереди, а катушка сзади. Вдруг нос к носу сталкиваюсь с ползущим навстречу немцем. Я оторопел, а немец от неожиданности, увидев перед лицом автомат, залепетал: «Найн пуф, пуф!» – и поднял руки, – что делать, пришлось взять немца в плен. И тут же мелькнула мысль – а что если бы немец поднял голову всего на какое-то мгновение раньше меня? Значит, опять повезло!

– Потом был такой случай, – припомнил Пётр Яковлевич, – была глубокая осень, мы несколько дней держали оборону на окраине деревни, снега ещё не было, но погода была промозглая.

С наступлением темноты бои прекращались, и наступало затишье.

Не выдержав холода, несколько солдат решили потихонечку уйти в деревню, чтобы пару часов поспать в тепле, звали с собой и меня, но я от усталости не мог пошевелиться. Чуть-чуть просушив свою одежду на костре, я тут же натянул её на себя и, плотнее прижавшись к прикорнувшим солдатам, в полудрёме дожидался рассвета. Днём нас ждала очередная атака врага, надо было во что бы то ни стало удержать этот плацдарм.

На рассвете обнаружилось, что ушедших ночью солдат нет в строю, и хотя буквально в считанные минуты они прибежали из деревни, их расстреляли на виду у всех за то, что они на пару часов покинули линию обороны. Было очень жутко – я мог тоже оказаться на их месте, и только неимоверная усталость спасла меня от такой участи.

Наши войска гнали немцев с оккупированных территорий. Вот как-то, перейдя вброд небольшую реку, вошли в одну деревню, где нам и приказали расквартироваться по пять-семь человек в пустых хатах. Окинув наметанным взглядом один двор, я свернул к нему, за мной потянулись остальные. Меня привлекло тем, что рядом с домом был колодец, у сарая лежали наколотые дрова, чуть поодаль виднелся погреб. Один солдат, открыв крышку погреба, решил проверить, – может, там остались какие-то запасы. Погреб был пуст, но крепок, как блиндаж.

Быстро разожгли дрова в печи, хотелось согреться, после переправы все были мокрые и продрогшие, заодно решили устроить постирушку. Управившись со стиркой и дожидаясь ужина в хорошо нагопленной хате, травил байки. Полевая кухня располагалась на краю деревни. Идти за ужином была моя очередь, я уже натянул сапоги и подсохшую форму, собрал у всех котелки, как вдруг один солдат со двора в приоткрытую дверь крикнул: «Петро, меня вызывает старшина, давай котелки, я заодно сбегаю на кухню и прихвачу ужин». Забрав у меня котелки, он убежал.

Вскоре послышался гул немецких самолётов. Страшный свист падающих бомб и грохот от взрывов заставил нас, хватая одежду, выскочить на улицу и быстро запрыгнуть в погреб. Взрывы раздавались все ближе и ближе. И вдруг так бабахнуло, что всё затрещало, на нас посыпалась земля и упали какие-то доски, все отскочили в дальний угол погреба. Ну, подумал, – хана! Следующая бомба наша, – сами себе выбрали могилу. Вдруг наступила тишина, сердце бешено колотилось – пронесло или сейчас жахнет. Немного выждав, помогая друг другу, вылезли из полуразрушенного погреба.

На месте хаты дымилась воронка. Да, выдохнул я, – вовремя закончились у немца бомбы. Натянув наконец-то одежду, побежали смотреть, что натворил немецкий бомбардировщик. Добрались по разбомбленной деревне до окраины, где уже толпились солдаты нашей роты, мы вместо кухни увидели огромную воронку. Кто-то бросил, – вот и поужинали, а я подумал не о пропавшем ужине,

а о том, что мне сегодня повезло дважды: не пошёл в своё дежурство на кухню, от которой ничего не осталось, и последняя бомба рванула совсем рядом с погребом, никого не задев. Повезло и повару, он успел укрыться подалее от кухни, и тому солдату с нашими котелками, которого по дороге задержал старшина.

Освобождая от немецких захватчиков Украину, Бессарабию, прошёл Пётр Яковлевич с боями Румынию, Болгарию, Венгрию, воевал и на территории Германии, Чехословакии.

Вспоминая, как в Германии и Чехословакии они освобождали из лагерей военнопленных, он продолжал:

– Жуткая была картина: выводили ходячие скелеты, половину заключённых выносили на руках, идти у них не было сил. В Праге довелось встретиться с американцами. Обыкновенные солдаты, как и мы, хлопали друг друга, делились сигаретами.

После официального объявления окончания войны мы почти всё лето 1945 года выбивали из лесов на территории Чехословакии засевших там немцев.

В конце июля нас отправили на Восток. Радуюсь, что остались живы, все уже грезили домом: волнуясь перед предстоящей встречей с родными, с девчонками, которые провожали на фронт.

Поезд уносил всё дальше на Восток. Вскоре прошёл слух, что нас везут на другую войну, на войну с Японией, союзницей Германии, тема разговоров о доме отошла на задний план, и я думал, повезёт ли мне выжить и на этот раз.

Переброска войск на Дальний Восток проводилась в тайне. Ехали в теплушках целый месяц: днём состав стоял где-нибудь в тупике на станции, а ночью продолжал свой путь.

Удивительно, почти через четыре года я оказался на той же пограничной с Монголией станции Борзя, откуда в 1941 году отправили на фронт, на Запад.

На этот раз путь лежал в обратном направлении. Перед нами простиралась пустыня, а впереди – переход через хребет Большой Хинган вслед за танковыми войсками. В начале пути от палящего зноя и духоты казалось, вот сейчас остановится сердце, и было только одно желание – вдоволь напиться воды. Температура доходила до пятидесяти градусов, не выдерживала и техника – вскипала вода в радиаторах машин. Всё чаще перед глазами появлялись миражи с водоёмами.

Переход через хребет дался с большим трудом, на перевалах колонна двигалась медленно, по два-три километра в час. Особенно движение замедлилось, когда вокруг нас стал гушать туман, невозможно было различить впереди идущего. Потом туман стал рассеиваться, а когда я через некоторое время оглянулся, то обомлел от увиденного: хвост нашей колонны выползал прямо из белого облака, повисшего на вершине хребта.

Спуск был ещё сложнее, чем подъём: когда мы перевалили хребет, нас накрыли такие дожди, которых

я не видывал раньше, нас просто сносило потоком воды, техника сползала, натываясь друг на друга.

Но такой манёвр наших войск через хребет оправдал себя. Для японцев появление наших войск с этой стороны был полной неожиданностью. В результате стремительной операции, проведённой войсками Советской Армии, Квантунская армия в начале сентября 1945 года была окружена и разгромлена.

Довелось мне участвовать и в штурме знаменитого Порт-Артура, удивившего нас своим видом. Порт-Артур оказался небольшой деревушкой на побережье полуострова, но по своему стратегическому положению он имел громадное значение, и именно там располагалась японская военно-морская база.

Повезло мне и на этот раз: ни одной царапины не получил в боях с японцами. Может, правда, есть

у меня ангел-хранитель? – сказал в заключение Пётр Яковлевич.

Участники войны не любят рассказывать о своих героических подвигах, для них это тяжёлые воспоминания – рядом гибли их фронтовые друзья, и вспоминают вот такие случаи, в которых повезло выжить. Не был исключением и Пётр Яковлевич, ведь медали «За отвагу» и «Воинскую доблесть» просто так не давали.

Его сердце остановилось за полтора месяца до празднования шестидесятой годовщины со дня Победы.

С того момента, как состоялся этот разговор, прошло немало лет. Уходят герои Великой Победы, но остаются в памяти людской вот в таких маленьких эпизодах.

Возвращение имени

Историко-документальный очерк

В моих руках конверты с адресами отправителей-получателей и штемпелями с датами из далёкого прошлого. Читаю письма, вырезки из газет, справки из разных канцелярий и погружаюсь в то время, о котором идёт речь в этих пожелтевших от времени листочках супоминанием имени уральского писателя-драматурга Александра Ивановича Завалишина, моего двоюродного дяди.

Временной разброс документов в семейном архиве охватывает период от его рождения – 30 июня 1891 года до страшной даты 21 апреля 1938 года – даты его расстрела.

Родился Александр Иванович Завалишин в посёлке Кулевчинском Николаевской станицы бывшего Оренбургского казачьего войска в бедной казачьей семье, ныне – это село Кулевчи Варненского района Челябинской области.

Скупые строчки автобиографии, написанной в 1927 году с перечислением дат, давали представление только о месте его работы и тех событиях, участником которых он был, но не раскрывали его характер. Прочитав его юношеский дневник, с датой на последней страничке – апрель 1913 года, его статьи с выступлениями в прессе в 1917-м и позже, переписку уже зрелого человека с друзьями и родными, а также воспоминания людей, знавших Александра Ивановича в разные годы его жизни, представила живой образ Завалишина.

В семье Завалишиных было четверо детей: два сына и две дочери. Александр был старший. В одной землянке с ними жил и дед Анисим – инвалид Русско-турецкой войны. Набожная мать часто брала Сашу в церковь. Саше нравилось

церковное пение, и он, заслушавшись, потихонечку подпевал. Обнаружив у него хороший голос, его взяли певчим.

В казачьих семьях в школу отдавали с десяти лет. Саша рос любознательным мальчиком, и отец с семи лет начал обучать его грамоте. Увидев у отца в книжке карандашные рисунки, он, позабыв про игры, увлёкся рисованием. В восемь лет он был подготовлен к школе: умел читать, писать и хорошо рисовать. В школу его взять-то взяли, но в журнал не записали, ввиду малого возраста. В связи с этим ему не выдали учебник, и он пустился в рёв, учитель сжался над ним и выдал книгу. Он с гордостью и радостью летел домой, а по дороге, решив прокатиться по застывшей луже, на самой середине провалился в неё. С ужасом посмотрел на отлетевшую в сторону книгу, но увидев, что она осталась сухой, обрадовался. Показав себя сообразительным учеником, вскоре был записан в журнал и занимался на равных правах со всеми. По всем предметам Саша был впереди, а вот арифметика ему никак не давалась, и он частенько списывал примеры у соседа по парте, но при всём при этом умудрялся каждый год на экзаменах показывать хорошие результаты и получать похвальный лист.

Писал Саша красиво, и после окончания третьего класса, на летние каникулы, отец устроил его писарем в правление. За работу ему назначили жалование в три пуда ржи в месяц.

Отец Александра, урядник Иван Анисимович, вернувшись раненым и больным с Русско-японской войны, служить уже не мог и возил почту, получая маленькое жалование, на которое семья еле сводила концы с концами. Поэтому, видя такую прибавку в семью, отец решил, что образования сыну достаточно. В школе было пятилетнее обучение, и учитель настаивал вернуть мальчика в школу, но в правлении отцу также сказали, что сын принесёт больше пользы,

работая писарем, на этом все споры и закончились. Работая в правлении, Саша в каких-то бумагах нашёл азбуку Морзе и показал находку приятелю, выучив азбуку, они переговаривались с помощью морзянки. Его привлекало всё необычное.

В 14 лет отец записал его в Петербургскую военно-фельдшерскую школу. Для поступления нужно было сдать вступительные экзамены в уездном городе Верхнеуральске, куда его и отправили. Его родной дядя, у которого он жил в городе, упросил наблюдающего за школами подготовить племянника к вступительным экзаменам. Саша очень тосковал по дому, сёстрам и брату и очень надеялся, что провалит экзамены, и вернётся домой. Подготовка к экзаменам не прошла даром, и он сдал их лучше всех, но наотрез отказался ехать в Петербург, чем очень удивил экзаменаторов, и дядя отправил его домой.

Вернувшись в село, он снова был принят в правление писарем с жалованием уже в девять рублей и 60 копеек в месяц. На этот раз работа быстро ему наскучила, и когда отца перевели служить в Верхнеуральск, он, упросив мать, уехал вслед за ним. В городе отец помог ему устроиться писарем к полицейскому надзирателю (другой вакансии не было). Вскоре служба в уездном городе стала тяготить его своим однообразием. Списавшись с бывшим начальником, принимавшим его на работу, но которого к этому времени перевели в Оренбург, Саша по его рекомендации был приглашён в губернский город.

В конце октября 1908 года семнадцатилетний Александр Завалишин, попрощавшись с отцом, дававшим наставления: «Санька, не будь демонкратом!», – почувствовал себя свободным, бесстрашным, самостоятельным и полным сил работать.

Вот по дороге в Оренбург, добираясь сначала с обозом до железнодорожной станции в Златоусте, а потом на поезде до Оренбурга, пришлось Александру действительно проявить и самостоятельность, и смекалку, когда он, не рассчитав стоимость билета, приобрёл его до той станции, до которой хватило его капитала – пяти рублей. А это оказалась только середина пути. Так Санька оказался один вдали от дома, одетый в короткий пиджачишко, в сапогах, а на улице бушевала настоящая зима. Не зная, что делать, Александр принимает опрометчивое решение ехать зайцем в товарном вагоне. Продрогнув и не чувствуя ног, он кое-как смог выдержать такое путешествие только до ближайшей станции. Проклиная бедность, он решает дождаться пассажирского поезда и ехать также зайцем, но в тёплом вагоне. Безбилетный пассажир вскоре был обнаружен, и ему пришлось сойти на маленькой станции. И вот тут-то он проявил талант настоящего артиста. Санька убедительно разыграл перед начальником станции роль обворованного пассажира, тем самым разжалобив его так, что тот, произнеся: «Что же с тобой делать, горемыка?», – сам купил ему билет и посадил в вагон. В дневнике Александр пишет, что так ему пришлось поступить, спасая свою жизнь,

но потом, получив зарплату на новом месте, он выслазил занятую суммой своему спасителю.

В Оренбурге он продолжает работать в полицейском управлении, в котором была пишущая машинка «Ремингтон». Увидев её, он загорелся желанием научиться печатать и вскоре был лучшим специалистом по печатанию. Учился всему быстро, и старания ему было не занимать. На спор и удивление сослуживцев он мог с закрытыми глазами печатать на машинке, а также вручную заполнять журналы.

Насмотрелся на разные эпизоды, встречающиеся в полицейском участке, порой комические, и в Саше проснулись артистические способности. Обладая чувством юмора, он любил подшутить, разыграть сослуживцев. То, подделав подпись на каком-нибудь казённом бланке, кому-то присваивал дворянский титул, а то, наоборот, разжаловал за придуманную провинность. Всё получалось так правдоподобно, что, зная его проделки, каждый раз коллеги поддавались на его уловки и верили происходящему, а потом подолгу смеялись, удивляясь его выдумкам. Идеи в его голове, в зависимости от обстоятельств, рождались мгновенно.

Как-то летом в Оренбург приехал зверинец, на работе только об этом и говорили. Слушая разговоры коллег, Александр, разбирал документы, и как раз в этот момент среди бумаг ему попала визитная карточка. На ней значилось: Франц Иоганович Гринвальд. Немного подумав, чем будет ему полезна эта карточка, кажется, представителя галошной фабрики, он решил на ней написать приглашение одному чиновнику, который был певчим в церковном хоре.

«Милостивый государь Н. Г., – писал он, – Я слышал, что вы хороший певчий. Не пожелаете ли Вы принять участие у меня в хоре? Плата один рубль в вечер.

Ф. Гринвальд, содержатель зверинца»

Чиновник, получив письмо с приглашением, побежал показывать его секретарю, а тот, предупредённый Александром о розыгрыше, закивал одобрительно головой, приговаривая:

– Как же не идти, где же взять рубль в вечер?

Чиновник просиял, не вникая в абсурдность написанного текста в приглашении.

Во время вечернего занятия все ждали певца. Вдруг он влетел с шумом и, обращаясь к секретарю, крикнул:

– Какой это идиот вздумал обманывать меня? Да разве в зверинце поют, и выдумали, чем обмануть! Дурака нашли!

Оказалось, он был в зверинце, хозяин которого лаконично объяснил ему:

– Какой дурак поёт в зверинце?

Ну, а когда работа становилась совсем в тягость, Александр старался сменить место работы. Зная, что ему вскоре предстоит идти на воинскую службу, он в 1910 году поступает писарем в войсковое хозяйство, где в вечернее время проводятся обязательные строевые занятия. Александру строевая муштра не доставляла особого удовольствия, и когда через

два года на медкомиссии его признали непригодным к воинской службе, он с облегчением перешёл на работу в губернское правление.

Оттуда он получил назначение на должность писаря во врачебное правление. Александр быстро вник во все латинские названия лекарств, которые с трудом давались прочтению другим служащим. Коллеги часто обращались к нему за разъяснениями. От природы Александр обладал сообразительностью и даром убеждения, несмотря на его юный возраст, где бы он ни работал, к нему прислушивались, с ним советовались.

В дневнике он пишет и о своём характере: «От природы я себятлибивый и даже честолюбивый. Я человек впечатлительный, неустойчивый, но энергичный и сообразительный. Преодолеть препятствия на жизненном пути чувствую достаточно сил».

Работая в Оренбурге, он получил доступ к библиотеке с богатым выбором литературы. Александр перечитал почти всех классиков. Читая понравившиеся произведения, он часто ставил себя на место героя и рассуждал, как бы он поступил в том или ином случае.

Ему нравились стихи, он и сам пробовал их писать, в минуты грусти он посвящал их матери и родному дому. О воздействии на него одного стихотворения неизвестного автора, он написал: «Это стихотворение воодушевляет меня бороться до последней возможности с капризами жизни, оставаясь всегда честным и человеколюбивым».

Про человеколюбие – это были не просто слова. Сам ещё молодой юноша, получавший небольшое жалование, он ежемесячно доплачивал мальчишке-писарю, которому платили в отличие от других мальчиков почему-то в два раза меньше – 25 копеек. Видя такую несправедливость, чтобы не унижить мальчика, Александр, давая ему вторую половину суммы, пояснял, что это премия за его хорошую работу.

Узнав о бедственном положении разжалованного и высланного в их края офицера, Александр приютил его у себя, сказав, что нанимает его своим учителем, а потом упросил своего начальника пристроить его на работу. Офицер, имея хорошее образование, в знак благодарности помогал ему в самообразовании.

Стать хорошо образованным человеком – это была одна из его главных задач на тот период. В дневнике есть такая запись: «Поддав под благотворное влияние одного учителя (того самого офицера – З. Д.), я научился думать и говорить о более серьёзных вещах, старался всеми силами пополнить своё образование. Читая книгу, я требую от неё, прежде всего, чтобы она просветляла ум, а также учила, как жить».

Живя в городе, Александр полюбил театр, а музыка его всегда завораживала, сам он играл на гитаре, ну а книги на протяжении всей жизни – его бессменные спутники. На тот период ему нравились нравоучительные книги, а также книги по государственному праву, он перечитал все лекции по этому предмету,

имеющиеся в библиотеке Оренбурга, собираясь в дальнейшем поступить на юридический факультет.

На протяжении всего времени, по 1914 год, включительно он учился в кружках по самообразованию и на частных вечерних курсах. Его первое произведение «Душегуб и ведьма» (небольшая житейская зарисовка) было напечатано в 1911 году в оренбургском сборнике Н. А. Афиногенова (псевдоним Степной) «Серый труд», который через месяц был конфискован из-за «крамольного» содержания. В 1913 году кружок молодых литераторов готовит новый сборник «Севы», в нём печатается рассказ Завалишина «Жизнь, ты нужна».

Как пишет в автобиографии Александр Иванович, его работы привлекли внимание русского писателя и библиографа Николая Александровича Рубакина. Именно в фондах Рубакина писателем-краеведом А. А. Шмаковым были обнаружены первые рукописи Завалишина.

В «Письмах из Лозанны» А. А. Шмакова есть статья о творческой дружбе и переписке Н. А. Рубакина с А. И. Завалишиным.

В письме от 13 июля 1913 года Завалишин пишет Рубакину в Швейцарию по поводу рассказа «Победа добра»: «Это от строчки до строчки истина, всё в нём написанное лично мною пережито, пережито, передумано, потому что я являюсь не только автором, а, главное, героем этого рассказа».

Рубакин отвечал Завалишину: «...Вы писать можете, и я советую вам немедленно заняться опытами в этом деле, хотя бы ради практики в видах будущего». Он рекомендует начинающему прозаику рассказы Успенского, Толстого, статьи Добролюбова, Писарева.

Первые рассказы и пьесы Завалишина связаны с полицейской жизнью, которую он хорошо изучил за время своей работы.

Ранние произведения А. И. Завалишина, обнаруженные А. А. Шмаковым в фондах Н. А. Рубакина, отпечатаны на машинке по правилам дореволюционной орфографии. «Городничий XX века» датирован маем 1913 года, пьеса «Крючки» отпечатана типографским способом в единственном экземпляре в ноябре 1915 года. На титульном листе два посвящения: «С благоговением посвящаю дорогому учителю моему Н. А. Рубакину». Второе – от руки, также выражает благодарность Завалишина своему первому литературному наставнику. И чуть ниже – лаконичные строчки: «На основании закона от 20 марта 1914 года перепечатка воспрещается».

Если в письмах 1913 года литературовед давал наставления, то в письме от 7 мая 1928 года радовался творческим успехам сотрудника газеты «Беднота», благодарил за присланный сборник рассказов «Пепел».

«Дорогой Александр Иванович! Ваш "Пепел" получил ещё в конце марта, но не хотел писать Вам до тех пор, пока не удалось прочитать Вашу книжку. Большое спасибо и за неё, и за добрую память, и за подпись на первой странице, такую трогательно-

душевную. Я искренне рад, что много лет тому назад учул по той Вашей рукописи, какую Вы тогда прислали мне на просмотр, что в Вас, несомненно, имеется искорка, которая, в конечном счёте, и сделает из Вас писателя... Читая некоторые Ваши рассказы-сценки, я покатывался со смеху. Нельзя не видеть, что Вы накопили огромный материал житейский и черпали его прямо из жизни.

А язык Ваш – просто прелесть: таких словечек, какие Вы где-то подслушали, и не придумаешь. У меня хранятся все Ваши письма и Ваш первый печатный опыт пьеса «Крючки» (1915 г.). ...Здесь (в Швейцарии) русские газеты частенько перепечатывают Ваши рассказы...»

Благодаря наставлениям и советам Рубакина, у Завалишина появилась твёрдая уверенность, что его призвание – это литература, и он поверил в свои силы, но прекрасно понимал, что для этого ему надо учиться.

В 1915 году Завалишин поступает в Московский народный университет им. А. Л. Шанявского, в котором могли учиться лица с разной степенью подготовки, без аттестата зрелости и вступительных экзаменов. В период обучения, чтобы выжить, Александру приходилось много работать, не чураясь любого физического труда. Лекции, общение с новыми друзьями-студентами не прошли даром, помогли и беседы со старым одноклассником учёным, у которого он снимал угол, работая у него прислугой. Он как губка впитывал недостающие знания, расширяя свой кругозор.

Обучение в университете было прервано революционными событиями в феврале 1917 года. Обладая ораторским даром, Завалишин был настоящим трибуном, способным убедить слушателей в том, о чём говорил. В подтверждение этому строки из его автобиографии: «По своей инициативе сагитировал разоружиться две воинские команды: автомобильную роту и интендантскую команду и привёл их в главный штаб». Благодаря его пламенной речи эти солдаты сложили оружие, избежав кровопролития. Он всегда считал, что слово имеет большую силу, а после этого события убедился в этом на собственном опыте.

В конце лета 1917 года он был приглашён на должность войскового секретаря в Оренбургское казачье войско, а когда его взгляды не совпали с доктриной атамана Дутова, он на Казачьем круге выступил вот с таким заявлением, опубликованным в № 109 за 23 декабря 1917 года газеты «Оренбургский казачий вестник»: «Дорогие станичники! Я счастлив от мысли, что являюсь войсковым секретарём свободного Оренбургского казачьего войска, это воспоминание останется неизгладимым в моей жизни, но пребывание моё в войске доказало, что политика Войскового Правительства, в особенности с 26 октября 1917 года, в корне расходится с моими политическими взглядами. Поэтому я, как честный деятель, считаю своей нравственной обязанностью сложить с себя обязанности войскового секретаря с сего числа. За оказанное мне доверие утвержде-

нием меня чрезвычайным Войсковым Кругом в занимаемой должности, я приношу искреннюю мою благодарность». Отставка Завалишина Казачьим кругом была принята.

В газете «Казачья правда» – органе Оренбургского Совета казачьих депутатов, в состав президиума которого был избран Завалишин, неоднократно печатаются его выступления перед казачеством. Освещая текущие события, он не забывал размещать там же свои пьесы.

В период гражданской войны, после занятия Оренбурга белыми, весной 1918 года, его переводят редактором «Троицких известий уездного совета депутатов», но после мятежа белочехов, он с частями Красной Армии уходит в Сибирь, где попадает в партизанский отряд.

После чтения дневника, описания его розыгрышей, которые превращались в настоящие спектакли, мне становятся понятны вскользь упомянутые им истории, ранее казавшиеся какой-то выдумкой. Вот, например, в автобиографии он пишет о том, что, когда партизанил в Нарымском крае в 1919 году, шутя, дал телеграмму генералу белой армии Пепеляеву о наступлении казачьей красной дивизии. Тот от такого сообщения дезориентировался и покинул Томск. Такая история кажется надуманной, но, возможно, та телеграмма сыграла не последнюю роль в том, что Пепеляев без боя покинул Томск, обстановка-то на тот момент была критическая.

После установления советской власти в Томске он некоторое время заведует отделом народного образования, а после установления советской власти на Урале возвращается в родной посёлок Кулевчинский.

Здесь он проводит собрание, на котором призывает молодёжь вступить в комсомол, говоря о том, что для юношей и девушек теперь открыты все пути для учёбы и строительства светлого будущего. В результате в комсомол записалось семьдесят пять человек, в том числе и его младшая сестра Мария. 15 августа 1920 года можно считать датой рождения Кулевчинской комсомольской организации. Сам же Завалишин Александр Иванович в этот период становится кандидатом РКП(б).

Вскоре несколько девушек-комсомолок, в том числе и его сестра, прошли двухгодичное обучение в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в Москве. Девушки, получив образование, работали в библиотеках, в женотделах, школах, в горкомах комсомола, а его сестра всю свою жизнь посвятила партийной работе.

В октябре 1920 года Александр Иванович был избран в сельсовет и делегатом на волостной съезд, проходивший в посёлке Катенинском, дальше – на губернский съезд в Челябинск. На губернском съезде он был избран членом губисполкома. Сначала он работал в губернском исполкоме, потом заведующим в губсобесе, а в 1921 году был делегирован на VIII Всероссийский съезд Советов.

На съезде в Москве он впервые встречается с Максимом Горьким. После этой встречи Завалишин печатает в челябинской газете «Советская

правда» от 24 июля 1921 года рассказ «У Максима Горького». Беседа с челябинским делегатом, Горький поинтересовался, кем Завалишин работает.

– Членом губисполкома, – ответил Завалишин, – но мне хочется перейти на литературную работу, а обстоятельства не позволяют...

– И хорошо, – спокойно сказал Горький.

– Почему хорошо?

– Писать всегда успеете, надо жизнь вбирать. Работы много, а вы молоды, почувствуете сами, когда надо писать...

Встреча с Горьким в некотором роде стала для него судьбоносной. Работая на разных должностях, он не оставляет литературной работы, находя время писать рассказы и фельетоны, помещая их в газете. Служба чиновника тяготит его, и он переходит работать ответственным секретарём в редакцию газеты «Советская правда», а далее в 1922 году по приглашению переводится в качестве журналиста-фельетониста в московскую газету «Беднота».

Вскоре в Москве он вступает в литературную группу «Октябрь». Его рассказы появляются сначала на страницах газеты «Беднота», а с 1925 года в свет выходят его первые книги «Не те времена» и «Скуки ради».

Живя в бурное время, он в своих произведениях пишет о тех событиях, которые наблюдал, или был их непосредственным участником. Таков и рассказ «Таёжные гудки» о событиях в партизанском отряде в Нарымском крае. Ему, как участнику военных событий, удалось создать и цикл военных рассказов, опубликованных в 20–30-е годы центральной печатью: «Бабий бунт», «Фронтвик», «Три дня», «Пепел».

Знание жизни, самобытного языка тех людей, о которых он пишет, делают его произведения интересными и своеобразными. Читая его автобиографию, вернее, географию его передвижения по стране, я вспоминаю его записки в дневнике от 1913 года, что он был всегда хорошим и дотошным работником, знающим своё дело, но ему всё быстро становилось скучным, и он устремлялся вперёд, где его ждало новое, более интересное.

Как спецкор он не сидит на месте, в 30-е годы едет на Урал освещать грандиозные стройки «Магнитострой» и «Уралмаш», одновременно накапливая материал для своих произведений.

По его пьесам «Партбилет» и «Стройфронт» в столичном театре Революции идут спектакли. С театром он имел самые тесные и плодотворные отношения. Одна из первых пьес «Бывшие» ставилась на сцене Челябинского Народного дома в 1922 году, а до этого в 1920 году прошла в Томске. В 1929–1931 годах его пьесы «Партбилет» и «Стройфронт» шли в столичном театре Революции.

О пьесе «Партбилет» (о коммунистическом чванстве) сказать надо особо. В 1929 году была написана только рукопись, а опубликована так и не была.

Сам Завалишин об этой пьесе в № 49 за 1929 год журнала «Новый зритель» писал: «Для некоторых “коммунистов” партбилет является сучком,

на котором они долгие годы ухитряются держаться в рядах партии. По существу, эти люди ничего общего не имеют ни с духом ленинизма, ни с ленинской гвардией, ни с её гигантскими боевыми задачами. При крутых трудностях и при крутых поворотах такие вертящиеся на холостом ходу “строители” первые поднимают невообразимый вой, шум и панику. Они опускают руки, прикрываются усталостью, а главное, подрывают в других веру в творческие силы пролетариата. Социалистическая революция у этих людей связывается не с боями, борьбой и трудностями, а с возможностью вообще “повластвовать”, “поуправлять”, а главное, отдыхать. Они обнаруживают закоренелые, индивидуалистические черты идеализма, романтизма, барства, объективно становясь реакционерами, сгнившими на корню. Такова тема моей пьесы».

Из воспоминаний директора Театра Революции Зубцова Ивана Сергеевича, рассказанных жене Завалишина в 1957 году: «При просмотре пьесы “Партбилет” в Театре Революции были главреперткомом Гандурин и Равич и были приглашены более пятнадцати человек старых большевиков, в их числе Мария Ильинична Ульянова-Елизарова, члены Президиума Коминтерна. Все высказались в пользу постановки пьесы в Театре Революции. Пьеса была разрешена и прошла в театре около пятидесяти раз».

Только за полсезона 1930 года пьесу посмотрели зрители девяти городов страны. А вот через девять лет, в 1938 году, возможно, она сыграла не последнюю роль в его деле (припомнили критику партийного работника).

Чем ценны работы Завалишина? Герои всех его произведений невыдуманные, они из самой жизни. Он никогда не был сторонним наблюдателем, всегда стремился быть в гуще событий, всегда на переднем крае истории.

В 1934 году выходит его книга «Свежая борозда», вернее, дневник работника политотдела, в качестве которого он и был по партийному заданию во время посевной кампании в отстающем колхозе, выведя его в передовые. В том же году Завалишина принимают в Союз советских писателей, и он с головой уходит в литературу.

В 1935 году он выезжает в родную станицу С. М. Будённого, выбрав тему, посвящённую маршалу и его родным. Работая над пьесой «Платовка», в своём письме от 29 июня 1935 года он пишет артисту театра Дмитрию Николаевичу Орлову: «Записал я тут со слов старухи Будённой много одетстве, о юности и первых днях организации конной, много интересного о бытовой человеческой стороне. Мать, конечно, не газетчица, но говорит правдивее и объективнее о любимом сыне. Встречаю много интересных типов из конницы Будённого. Здесь все “партизаны”...»

Самого Будённого и должен был играть Орлов. По этому поводу в письме от 25 августа 1935 года Завалишин пишет ему: «Был на днях у заместителя Семёна Михайловича Будённого. Говорил про киносценарий с твоим участием в главной роли.

Тебя очень хорошо знают они оба и изъясляют полное согласие на содействие и консультацию».

Работая над пьесой «Платовка», он пишет рассказы по этой теме. В 1936 году выходит его рассказ «Встреча с братьями», а в 1937 году – «Хата Будённого».

Закончив пьесу «Платовка», Завалишин участвует в подготовке киносценария по ней о маршале Будённом, но всё рушится в одночасье, в день его ареста – 31 января 1938 года.

Вслед за арестом Александра Ивановича была арестована и его жена Антонина Николаевна, которая провела восемь лет в Карагандинском лагере. Все произведения Завалишина, находящиеся в доме, были уничтожены.

После многих лет забвения – реабилитация писателя в 1956 году, выход в печать сборника его рассказов в 1959 году, затем в 1962 году – сборника очерков челябинского краеведа Александра Андреевича Шмакова «Наше литературное вчера» вновь открыли читателю его имя. У книг ограниченный тираж, и молодое поколение того времени навряд ли узнало бы о писателе Завалишине, если бы в 1967 году герои его пьесы «Стройфронт» не ожили на сцене Магнитогорского драмтеатра им. А. С. Пушкина. И вот тогда имя А. И. Завалишина вновь появилось на страницах не только региональной прессы, но и центральной.

Читая переписку его жены с чиновниками разных инстанций, в которых она просила восстановления доброго имени мужа, переписку с друзьями с просьбой найти утраченные при аресте произведения, чтобы издать хотя бы небольшой сборник его рассказов, понимаю те чувства, которые она испытывала после триумфа спектакля, поставленного по пьесе Завалишина «Стройфронт».

Итак, сделаем небольшой экскурс в то время, о котором шла речь в пьесе «Стройфронт», и в то место, где происходили события, описанные в ней. В январе 1929 года Совнарком СССР и Совет труда и обороны (СТО) на объединённом заседании приняли решение о начале строительства Магнитогорского металлургического завода. Уже в марте к Магнитной горе прибыли первые строители, а 30 июня 1929 года на станции Магнитогорская по новой железнодорожной линии встречали первый поезд. Эту дату принято считать днём рождения Магнитогорска.

Узнав о грандиозной стройке в родных краях, спецкор московской газеты «Беднота» Александр Иванович Завалишин не мог усидеть в Москве, и как он написал в автобиографии, – с июля 1930 года три месяца наблюдал за ходом строительства плотины на реке Урал. Но разве в характере Завалишина быть просто наблюдателем? Нет, конечно, – он дневал и ночевал на стройке, а иногда подрабатывал на жизнь грузчиком в ночную смену.

Как журналист, сотрудничая с газетой «Магнитогорский рабочий», Завалишин пишет ряд хлёстких заметок и фельетонов, а 4 сентября даёт объявление: «При редакции газеты мы организу-

ем литературную группу, которая должна войти составным рабочим звеном в Уральскую Ассоциацию пролетарских писателей, ведущую дело помощи и руководства литературными кружками области. На 5 сентября в 6 часов вечера в помещении редакции газеты мы созываем первое организационное собрание нашей литгруппы. На собрание это просим придти рабочих, стенографов, начинающих писателей и поэтов и всех товарищей, интересующихся творчеством.

Инициативная группа:

В. Макаров, А. Неверов, А. Завалишин».

На другой день, 5 сентября, в газете появляется извещение: «Сегодня, ровно в 6 часов вечера в помещении редакции газеты "Магнитогорский рабочий" созывается организационное собрание литгруппы Магнитогорска.

Повестка дня: Положение на фронте пролетарской литературы. Докладчик В. Макаров, содоклад о крестьянской литературе – А. Завалишин (по этой же теме, о путях развития крестьянской литературы, А. И. Завалишин выступал годом раньше, в июне 1929 года, на первом Всероссийском съезде крестьянских писателей – З. Д.)».

Созданную при газете литературную группу «Буксир» возглавил поэт Василий Александрович Макаров. Одними из первых в неё вошли: журналист А. Неверов, поэты: Александр Ворошилов, Михаил Люгарин, Борис Ручьёв, чуть позже – Людмила Татьяничева, Нина Кондратовская и др.

В дальнейшем Макарова настигла та же участь, что и Завалишина. 10 ноября 1937 года Макаров был арестован, а 10 января 1938 года расстрелян. Под пресс репрессий в 1937 году попал и Борис Ручьёв, он десять лет провёл в лагерях.

Это произойдёт позже, а тогда молодые литераторы, полные сил и надежд писали о героях грандиозной по тем временам стройки, клеймили недостатки и собирали материал для своих творческих работ.

Вскоре «Буксир» получил статус литературной бригады им. Горького. Она подключилась к работе газет, стенгазет, многотиражек, инициировала создание литературных бригад на отдельных участках завода. Ныне, это литературное объединение им. Б. А. Ручьева.

Можно сказать, что в 30-е годы Урал стал одним из новых центров литературного движения страны, и в этом есть частичка труда А. И. Завалишина.

Именно здесь, в 150 км от его родного села Кулевчи, по горячим следам событий у горы Магнитной появились первые странички пьесы «Стройфронт», написанные им в буквальном смысле на коленях.

«Стройфронт» – это пьеса-плакат об энтузиастах – строителях первой плотины на Магнитострое. Вернувшись в Москву, Завалишин заканчивает пьесу и готовит её к постановке, и уже в 1931 году состоялась её премьера на сцене столичного Театра Революции с участием таких заслуженных артистов, как Дмитрий Никола-

евич Орлов, Анна Васильевна Богданова и Константин Александрович Зубов.

А. А. Шмаков в книге «По литературным тропам» написал о своей встрече с актрисой А. В. Богдановой, исполнительницей роли советского инженера Тиц в пьесе «Стройфронт» в московском Театре Революции, и её словах о пьесе и театре: «Это были очень напряжённые годы, полные не только исканий новых путей в развитии театра, но и острейшей борьбы за новый репертуар, за создание пьес на животрепещущие, современные темы. С большим волнением и ответственностью готовили мы этот спектакль, сознавая, что драматургу и театру предстоял серьёзный экзамен. Зритель встретил спектакль хорошо, он с успехом шёл весь сезон и получил доброжелательную прессу».

Вспоминает Анна Васильевна и автора пьесы: «Это был очень живой, энергичный и остроумный человек, умевший усидчиво работать, хорошо дружить и беззаботно отдыхать, не взирая на житейские трудности и горечи. Это был прямой, немного резковатый человек, но честный и правдивый в своих отношениях с товарищами».

Далее Шмаков о спектакле: «Да, спектакль был действительно необычен и нов! Он помогал зрителю понять грандиозные задачи первой пятилетки по созданию отечественной индустрии, он ярко и броско показывал её творцов – рядовых рабочих, мастеров, инженеров, рисовал борьбу, разгоревшуюся на строительстве между нашими людьми и иностранными специалистами за сроки окончания гигантской плотины».

Конфликт пьесы, выхваченный драматургом из жизни, настолько был актуален, что вызывал немедленную и бурную реакцию зала.

Острота сюжета чувствуется с первой картины, когда передовой инженер стройки Стаканов, поддержанный райкомом партии, решает возвести плотину за три месяца против шести по расчётам, сделанным американской фирмой. Сроки, предлагаемых американцами, придерживается и управляющий Уралстроем Гольский.

Неожиданно распространяется ложный слух, что плотина создаётся на песке. Он идёт от бывшего есаула Акулина. Эту версию живо поддерживает и распространяет представитель американской фирмы Мак-Буррей среди своих инженеров, работающих на стройке.

Браун, иностранный специалист, пытается склонить Стаканова на свою сторону и внушить ему мысль, что он, талантливый инженер, может развернуть свои способности, только выехав в Америку. Он доверительно общается, что с плотинной могут произойти неприятности.

Стаканов поступает так, как повелевает ему долг советского инженера: ставит в известность райком партии и срочно начинает заниматься проверкой геологических данных о дне Урала. Гольский пытается встать на его пути, помешать, считая, что это не дело Стаканова. И вот происходит бурное заседание бюро райкома партии,

решающей принять срочные меры для дополнительной проверки дна реки.

Как ни изохрились враги стройки, победил коллектив плотины. Американские инженеры вместе с казачьим есаулом Акулиным – заклятым врагом Советской власти, пробравшимся на стройку, и оппортунистом Гольским были разоблачены рабочими во главе с начальником строительства плотины Стакановым и его помощниками Маркиным и Тиц, ударниками стройки Савчуком, Пластининым, Васюковым, Михалёвыми и другими.

– Не американскими, а большевистскими темпами победили мы. – говорит в финале пьесы секретарь райкома партии Рязанцев. – Мирная плотина построена в два месяца! Злостная легенда, что плотина создавалась на песке, уничтожена вместе с её распространителями... Отныне весь рабочий коллектив плотины переименовывается в Первый Ленинский коллектив ударников Уралстроя!..»

Из исторической справки: «Первая плотина на реке Урал в районе Магнитной станицы была возведена в 1930 г. Образовавшийся пруд был единственным источником технического водоснабжения строившегося металлургического завода. А через несколько лет в выжженной солнцем степи был построен один из самых современных металлургических заводоуправлений».

В 1966 году, в преддверии 50-летия Октябрьской революции, Шмаков подсказал главному режиссёру Магнитогорского драмтеатра им. А. С. Пушкина Анатолию Андреевичу Резину, что в тридцатые годы драматургом Завалишиным была написана пьеса о первостроителях Магнитостроя и её постановка была бы хорошим подарком к юбилею. Резинин загорелся этой идеей, однако саму пьесу найти было не так-то просто. По заданию Резинина пьеса была найдена, вот как об этом написано в заметке В. Агронова «Второе рождение» в газете «Магнитогорский металл» от 25 марта 1967 года: «Героическая эпопея "Стройфронт" была найдена Шуровым (артистом театра. – З. Д.) в библиотеке Всероссийского театрального общества. Прочитав эту пьесу, опытный режиссёр, заслуженный деятель искусств Казахской ССР А. Резинин понял, что пьеса будет иметь успех у зрителя, особенно у магнитогорского. Ведь в ней повествуется о событиях, связанных с историей Магнитки, событиях, которые живут, как легенды, в памяти старожилов города».

Узнав о премьере спектакля по пьесе мужа, Антонина Николаевна в письме от 5 марта 1967 года пишет писателю Е. Н. Пермитину: «Уважаемый Ефим Николаевич! Хочу поделиться с Вами своей радостью. 14 марта 1967 года, через 36 лет(!) после первой постановки в московском театре Революции (1931 г.), в Магнитогорском драматическом театре им. А. С. Пушкина состоится премьера пьесы Александра Ивановича Завалишина "Стройфронт". Спектакль посвящается 50-летию Октября. Впервые о том, что будет

поставлен этот спектакль, я узнала из газеты "Советская культура". Театр очень серьёзно отнёсся к этой работе и развернул широко подготовку "Стройфронта", придавая большое воспитательное значение этому спектаклю. В местных газетах появились статьи, рассказывающие о работе театра, об участии партийных и общественных организаций, о значении, которое придаётся этому спектаклю».

Спустя годы в газете «Магнитогорский рабочий» от 18 января 1986 года в статье «Даёшь "Стройфронт"» та самая Нина Георгиевна Кондратовская – одна из первых членов литбригады «Буксир», уже член Союза писателей СССР, заслуженный работник РСФСР, напишет воспоминания о подготовительных работах к постановке спектакля: «Весь коллектив театра был вовлечён в работу, а она была сложна и начиналась с поиска живых прообразов – бывших комсомольцев, построивших плотину на реке Урал в баснословно короткий срок, почти вручную, – за 74 дня. Написанная по горячим следам в 1931 году, пьеса была овеяна героикой, во многом документальна, правдиво отразила своё время. Её невыдуманные герои преодолевали неверие нытиков, скрытое и явное вражеское сопротивление, немыслимые трудности. Как всё это показать? Как дорисовать порой схематично намеченные образы? "Стройфронт" был поставлен в своё время в Москве как пьеса-репортаж. Она вновь оказалась нужной, и главный режиссёр А. Резинин всех захватил идеями – возродить на сцене подвиг первых строителей социализма на нашей магнитогорской земле, ставшей страницей истории».

В газете «Правда» от 14 июля 1967 г. первый секретарь Магнитогорского горкома КПСС В. Дмитриев в статье «Живая связь времён», посвящённой идеологическому воспитанию молодёжи, называет спектакль «Стройфронт» большой школой воспитания на трудовых традициях, ставя его по силе воздействия рядом с другим событием – слётом первых комсомольцев-строителей Магнитогорска. «Идея постановки "Стройфронта" нашла горячую поддержку в горкоме партии, – пишет автор. – Конечно, нельзя было ограничиться только формальной поддержкой. Левобережный райком КПСС привлёк к обсуждению пьесы актив, и прежде всего ветеранов Магнитки, участников строительства. Постановщик спектакля – главный режиссёр театра А. Резинин, художник В. Кузьмин и ведущие артисты театра выслушали много советов. Это и помогло сделать постановку "Стройфронта" яркой, интересной. Начались поиски участников строительства первой плотины в Магнитогорске, Москве, Ленинграде, переписка с ними, встречи с ветеранами стройки, женой драматурга А. И. Завалишина, подбор материала и организация встреч постановочного коллектива с участниками событий, описанных в пьесе».

О строителях плотины, чьи воспоминания помогли восстановить картину того времени, есть упоминание в той же заметке Агронова «Второе

рождение»: «Пенсионер Глухов – бывший инженер этой стройки, сейчас живущий в Магнитогорске, знаком был с Завалишиным ещё в Москве, когда учился в институте, а затем часто с ним встречался на Магнитострое. По его словам, А. Завалишин умело передал обстановку тех лет, создал живые образы строителей плотины. Прототипом образа начальника строительства плотины Стаканова был талантливый советский инженер Степанов. О Степанове рассказал бывший его шофёр магнитогорец Ожиганов. Артисту Виктору Морозову, исполняющему роль Стаканова, эти сведения оченьгодились. Честность, бескорыстие, высокая принципиальность, жесты, походка Степанова легли в образ, созданный Морозовым».

Об этом же находим в воспоминаниях Н. Кондратовской: «Этот спектакль до сих пор сохранился в памяти старожилов. Затраченный всем коллективом труд принёс радость, возродив незабываемое прошлое ради будущего. В. Морозов исполнил роль начальника строительства Стаканова (прообразом был Степанов). Человек огромной воли, творческой мысли, подлинный герой времени, воссозданный артистом, овладел зрителями, ему хотелось подражать».

В своей статье «Театр в жизни Магнитки» заслуженная актриса РСФСР Ирина Михайловна Васильева (жена А. Резинина), вспоминая тот период, писала: «В спектакле "Стройфронт" было много замечательных работ: и художника В. Кузьмина и актёров (Шуров, Зеленецкий, Козловский), и массовые сцены. Была использована ныне известная, а тогда её знали немногие по фильму "Время, вперёд!" музыка Г. Свиридова. В спектакле была занята вся труппа. И это была победа. Многие центральные газеты, не говоря уже о городской и областной, журналы "Театр", "Театральная жизнь", "Урал", рассказывали о спектакле».

Итак, вернёмся к тому моменту, когда спектакль был готов. Премьера спектакля на сцене Магнитогорского драмтеатра им. А. С. Пушкина состоялась 14 марта 1967 года. На премьеру была приглашена вся общественность города, партийные и комсомольские руководители, а также жена писателя – Антонина Николаевна Сосунова-Завалишина. Об этом значимом для неё событии она сообщает друзьям и знакомым мужа. Таких писем в архиве много. В одном из них журналисту, писателю и драматургу Семёну Давыдовичу Нариньяни, который в качестве спецкора от «Комсомольской правды» вслед за Завалишиным освещал события на строительстве Магнитогорского комбината, она пишет: «Мне довелось побывать на премьере спектакля Александра Ивановича Завалишина "Стройфронт" в Магнитогорском драмтеатре им. Пушкина 14 марта 1967 г. Это второе рождение, первое, как Вы помните, было при жизни автора в 1931 году в московском Театре Революции. Спектакль продолжает своё шествие на сцене театра с большим успехом и имеет много отзывов не только в местной

печати, но, как видите, и в центральной. Газету "Правда" от 18 марта 1967 г. с заметкой "Овеянный романтикой" посылаю Вам как небольшое напоминание Вашей дружбы с автором, с радостью и грустью».

Нариньяни в ответном ей письме от 29 мая 1967 года: «Очень рад за "Стройфронт". Вспомнил премьеру в Москве. Жаль, что Александр Иванович не увидел второе рождение пьесы»

Другу семьи, писателю и учёному А. И. Ревякину Антонина Николаевна с радостью сообщает: «В 11 номере за 1967 г. в журнале "Театральная жизнь" ты, наверно, видел и читал о "Стройфронте" по пьесе Александра Ивановича. Спектакль выдвинут на соискании премии Ленинского Комсомола, а вчера в "Комсомолке" появилась хорошая статья Ю. Черепанова (он приезжал в Магнитогорск по заданию ЦК ВЛКСМ), которую тебе и посылаю. Если бы Иваныч это читал!!!»

Ревякин в ответ: «С газетного листа Иваныч смотрит на меня и смеётся! Вот так! Я всегда был уверен в его силах и знал, что он вырвется в первые ряды советской драматургии и будет классиком. Жизнь прервали на первых шагах творческого пути, а он живёт. Прекрасно, замечательно! Ах, сколько у меня было с ним чудесно-светлого, радостного. Чуткий он – чудесный человечище! Ведь он был не только замечательным писателем, но и великолепным актёром и режиссёром. И больше всего он играл мне, потому что я был хорошим зрителем. А как он разыгрывал всех нас! Боже мой, сколько выдумки! Спасибо тебе за весточку! Ах, Иваныч, Иваныч, если бы он остался жить, то и я бы жил иначе! Будем радоваться тому, что он живёт и будет жить не только в наших сердцах».

На Всероссийском смотре спектаклей, посвящённых 50-летию Октябрьской революции, спектакль «Стройфронт» был удостоен диплома I степени, награждён почётной грамотой Министерства культуры СССР, стал лауреатом областной комсомольской премии «Орлёнок».

Самыми благодарными зрителями были, конечно, родственники. Были слёзы от горестных воспоминаний о трагической судьбе Александра Ивановича, слёзы радости за второе рождение его пьесы и её высокую оценку. Посмотреть спектакль своего брата, приехала из Курской области его младшая сестра Мария Ивановна Завалишина. Спектакль посмотрели родственники из Магнитогорска – Титовы. В июле 1967 года «Стройфронт» был показан на сцене Челябинского драмтеатра, на спектакль пришли родственники писателя из Челябинска: вторая его сестра – Анна Ивановна Балаева, её семья, а также мой брат Анатолий Деревянченко. Жаль, что мне не удалось это сделать, – после окончания института я уехала из Челябинска. В Магнитогорске спектакль шёл несколько сезонов, а потом началось его шествие по стране.

После спектакля завязалась переписка магнитогорского корреспондента Николая Васильевича Путалова и учащихся 4-го класса 25-й школы города с женой писателя Антониной Николаев-

ной и его сестрой Марией Ивановной Завалишиной. Путалов на Магнитострой приехал в 1932 году, работал каменщиком, грузчиком, станочником и писал заметки о рабочих, спортсменах, артистах. Ему довелось поработать и с поэтом Василием Макаровым, который в 1930 году вместе с Завалишиным организовал литкурсы при газете «Магнитогорский рабочий». А в августе 1934 года Путалов с Макаровым и Борисом Ручьёвым были делегатами I Всесоюзного съезда советских писателей. В 1968 году Путалов в одном из писем к Марии Ивановне Завалишиной сообщает о важном событии: «77-летие со дня рождения Александра Ивановича мы отметили тем, что с Вашим односельчанином Н. А. Маркиным пошли на место, где был палаточный городок на стройке 1-й плотины. Пионеры, группа представителей из восьми школ, прослушали воспоминания об Александре Ивановиче и Вашей семье, нашли лопату первых строителей, вбили в землю деревянный щит с надписью: "Здесь в 1930 году писатель-уралец А. И. Завалишин начинал писать пьесу «Стройфронт» о героях первой плотины". Лопату и щит обложили цветами и на память сфотографировались. Разожгли маленький пионерский костёр, Н. А. Маркин читал свои стихи, посвященные А. И. Завалишину, ребята прочитали статью из книги Шмакова. Красные следопыты 25-й магнитогорской школы».

Самое удивительное то, что именно второе рождение спектакля «Стройфронт» на сцене Магнитогорского театра вернуло его имя и родным. После того как были арестованы Александр Иванович и его жена, родные Александра Ивановича долгое время не знали об их дальнейшей судьбе. Надо знать, какое это было время. Даже через многие годы после разоблачения культа личности страх ещё долго жил в сознании людей. Моя мама была крестницей Анны Ивановны – сестры Завалишина, и мы часто бывали у неё в гостях в Челябинске, а младшая его сестра, Мария Ивановна, подолгу гостила у нас в Кулевчах. В мою детскую память врезалось слово «НКВД», которое шёпотом и с оглядкой произносили сестры Завалишины в разговоре при встречах с моей мамой. Ещё не зная значение этого слова, я поняла, что для нашей семьи с ним связано что-то страшное и зловещее. Свои родственные связи с репрессированными их родные старались не афишировать, и мы, тогда ещё дети, даже не подозревали о существовании Александра Ивановича. Знали только, что у сестёр Завалишиных был ещё брат – учитель Фёдор Иванович, который умер в молодом возрасте от туберкулёза, знали хорошо его жену Анну Фёдоровну – учительницу в нашей школе. О втором же брате Александре Ивановиче никто из его сестёр при нас не упоминал, но однажды Мария Ивановна привезла в подарок родственникам в село Кулевчи книгу Шмакова «Наше литературное вчера» со своей дарственной надписью, и вот

тогда-то мы впервые узнали о нашем дяде-писателе.

А после того как в прессе пошли отклики на спектакль, только тогда восстановились родственные связи между женой писателя, посетившей Магнитогорск, и сёстрами Александра Ивановича, а также родственниками из Магнитогорска и Кулевчей. Мой старший брат, Анатолий Александрович Деревянченко, на протяжении всей своей дальнейшей жизни вёл переписку с женой, дочерью и внуками Завалишина, встречался с ними. Архив жены писателя был передан А. А. Деревянченко (как краеведу и родственнику), а впоследствии мне.

Пройдёт ещё несколько лет до того момента, когда приоткроется завеса над тайной ареста и гибели Завалишина. В справке от 9 июля 1990 года Военной коллегии Верховного суда СССР на запрос Ольги Рябчиковой, внучки Завалишина, придёт сообщение:

«Уважаемая Ольга Петровна! На Ваш запрос сообщая: Завалишин Александр Иванович, 1891 года рождения, уроженец пос. Кулевчинский Челябинской области, до ареста – член Союза писателей СССР, был необоснованно осуждён 21 апреля 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по ложному обвинению в участии в антисоветской организации.

Приговор приведён в исполнение 21 апреля 1938 года в г. Москве.

Реабилитирован посмертно определением Военной коллегией Верховного Суда СССР от 15 сентября 1956 года.

Приобщённое дело Завалишина хранится в КГБ СССР. Большими сведениями не располагаем.

Начальник отделения секретариата Военной коллегии Верховного Суда СССР С. Сокерин».

Но об этом уже не узнают: ни жена, ни дочь, ни сёстры.

Как писал Виталий Шенталинский в 2007 году в статье «Расстрельные ночи» в главе «Декабристы из Переделкино»: «В Московской области установилась хорошая весенняя погода, – писала 21 апреля 1938 года газета “Правда”. – Москвичи выезжают за город, в леса и на озера охотиться на вальдшнепов, уток и тетеревов”. В этот апрельский день шёл отстрел не только пернатой дичи, но и владеющих пером. Третья коллективная казнь собрала и уравнила уровнем погребальной ямы семерых писателей...»

В их число попал и драматург Александр Завалишин.

Какое печальное совпадение. В родном селе организовывались коммуны, одним из организаторов был и родной брат писателя – сельский учитель Фёдор Иванович Завалишин. Членов коммун в селе называли коммунарами, а 21 апреля 1938 года Александр Иванович был расстрелян на спецобъекте Центрального аппарата НКВД «Коммунарка».

После снятия грифа секретности открылись все подробности сфабрикованного дела. Они описаны в статье В. С. Христофорова «Писатель

Завалишин: неизвестные страницы биографии», написанной на основе документов Центрального архива ФСБ России, в которой рассказывается о неизвестных эпизодах биографии писателя Александра Завалишина, связанных с его арестом, осуждением и реабилитацией. Материалы дела раскрывают подробности пребывания Завалишина в заключении, показывают работу следователя, дают возможность представить, что заставило писателя оговорить себя и подписать признательные показания.

Из письма Антонины Николаевны М. И. Шаталину: «Ваша статья “Живая история” меня сильно взволновала. Прежде хочу выразить Вам большую искреннюю благодарность за этот труд. Больше, чем кто-нибудь, я понимаю живое значение слов: “Фигура молчания”! Вот, что было характерно все эти годы в отношении к творчеству А. И. Завалишина. Такое впечатление, как будто Вы сдвинули огромный, тяжёлый камень, который закрывал дверь в хранилище изъятой литературы».

Действительно, словно приоткрылась дверь, и он шагнул к нам из прошлого в своих рассказах и пьесах, которые всё больше и больше стали появляться на страницах интернета, сейчас, в XXI веке.

Память о нём увековечена в названиях улиц: в районе ЧТЗ города Челябинска, в котором живут его родные, и в районном центре Варна. А на родину, на улицу своего имени рядом с Кулевчинской школой в день 100-летия со дня рождения в 1991 году он вернулся памятником, изготовленным в Магнитогорской художественной студии. Вернулся из того самого города Магнитогорска, где в 1930 году зародилась его пьеса «Стройфронт», принёсшая бессмертие уральскому писателю-драматургу Александру Ивановичу Завалишину.

